

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УТРО

Введение в Игру

1. Машины на Кольцевой автомобильной дороге подобны каплям воды в клепидре: по одной каждые тридцать секунд просачиваются в узкое горло Рублево-Успенского шоссе и там уже текут медленно. Как будто отмеряют собой движение особенного времени, более существенного и плотного, чем время обычных людей.

Дорожный полицейский бог знает чем руководствуется, когда заставляет нас стоять или позволяет нам двигаться. Длинная вереница машин безропотно ждет в пробке. И в каждой машине водитель звонит кому-нибудь, чтобы предупредить об опоздании. И я звоню:

«Сан Саныч, простите, я к вам опаздаю, наверное! Тут какой-то идиот-гаишник регулирует движение так, что никто никуда не едет!»

А голос в трубке смеется:

«Напрасно вы, Валерий, думаете, будто гаишник регулирует движение для того, чтобы вы куда-то ехали. У него другие задачи. Он подготавливает трассу для проезда правительенного кортежа. В этом смысле его действия совершенно рациональны и профессиональны, – голос улыбается. – Не спешите. Я подожду».

А я и не спешу уже никуда. Выехав на Рублевку, всякая машина движется со скоростью шестьдесят километров в час, размеренно. И дело даже не в том, что обогнать никого нельзя. Не в том, что дорога в две полосы, разделенные на всем протяжении двойной сплошной линией. И не в том дело, что скорость превысить нельзя, что на каждой версте стоит дорожный полицейский. Тут магия какая-то. Дерк Саудер, один из первых иностранцев, поселившихся на Рублевке, говорит: «Вот, странно, вроде и в пробке стоишь, вроде и ждешь по сорок минут, пока проедут кортежи, но достаточно мне бывает пересечь по Рублевке границу Москвы, и я как будто дома, уютно как-то становится»...

Особое умиротворение чувствует на этом шоссе всякий. Мы движемся медленно, а навстречу так же медленно катят машины представительского класса – Мерседес, Мерседес, Майбах, Мерседес, Бентли, (хоп! Фольксваген, это прислуга поехала), Мерседес, Мерседес, Майбах, Мерседес... Мы движемся медленно, а вокруг вековечный лес, и на опушке леса – рекламные плакаты, предлагающие купить колечко по цене небольшого поместья, поместье по цене небольшой страны, лодку по цене небольшого авианосца или... Или нанять филиппинскую горничную, которая всегда улыбается, чисто метет и неизвестно куда исчезает на ночь: вероятно, ставит сама себя неприметную вместе со швабрами в шкаф.

Здесь всегда так было: особенное время, особенное пространство. Имена царской семьи в девятнадцатом веке, дачи и санатории

ЦК КПСС – в двадцатом, олигархические дворцы – в двадцать первом. Всегда так было здесь, на этом никакими границами не обведенном острове благополучия, который называется Рублевка.

Если спросить профессионального риэлтора, если предложить профессиональному торговцу дорогой недвижимостью обвести на карте границы Рублевки, риэлтор нарисует более или менее огурец. Границы престижной Рублевки протянутся не от Кольцевой автомобильной дороги, а более или менее от Ромашкова до Николиной Горы – всего то двадцать километров, если напрямик, как летает птица. А в ширину – километров по пять–семь направо и налево от Рублево-Успенского шоссе. На север до Ильинского – Рублевка, престижно. За Ильинским уже не престижно, уже Новая Рига. На юг до Лайкова – престижно, а за Лайковым уже не очень, уже не Рублевка, а Минское шоссе. И сколько не спрашивай риэлтора, почему именно так пролегли границы престижности, риэлтор будет только пожимать плечами, дескать, так уж сложилось. Броде и сосновые леса на Новой Риге те же, и Москва река течет та же за Николиной горой. Но священной земли там нет. Священная земля здесь, вокруг Рублево-Успенского шоссе, огурцом – двадцать километров в длину и десять в ширину примерно.

Объяснение границам престижной Рублевки найдется, если, например, ввести в гугл-карты запрос «Рублево-Успенское шоссе кладбища». Кладбища на карте строго расположатся по границам престижной Рублевки, которые интуитивно рисовал риэлтор.

Ближе Ромашкова к Москве жить нельзя – в Ромашкове кладбище. Южнее Лайкова жить нельзя – в Лайкове кладбище. Севернее Ильинского нельзя – кладбище в Ильинском. И дальше Николиной Горы нельзя, потому что за Николиной горою в Аксиньино – кладбище.

А здесь на Рублевке нет кладбищ. Считай – нет смерти. Во всяком случае, нету наглядных ее проявлений. Вот мы и едем медленно по этой священной и не знающей смерти земле, как ехала 19-го января 2011-го года на скромном Опеле Астра

двадцатитрехлетняя девушка Елена Ярош. Надо полагать, ехала с тем же чувством умиротворения, пока не вылетел ей навстречу черный БМВ представителя президента в Госдуме Гарри Минха и – лобовое столкновение. Водитель Минха погиб на месте, Елену Ярош доставили в больницу с сотрясением мозга и множественными переломами, а самому Минху – ничего. Стало быть, бессмертные, конечно, живут на Рублевке, но не все тут бессмертные, а лишь некоторые. Немногие тут, как в компьютерной игре, завладели волшебными доспехами, дополнительными жизнями, сверхъестественными способностями, такими, как, например, способность Гарри Минха не получить ни царапины при лобовом столкновении машин или повлиять на суд, чтобы суд не признал Елену Ярош даже и потерпевшей в этой аварии.

Впрочем, могущественный Гарри Минх, которому разрешено ездить на Рублевке по встречной полосе и которому ничего не

бывает в результате автомобильных аварий, остановился бы и прижался бы к обочине, если бы ему, как мне сейчас, дорожный полицейский махнул жезлом. Мерседесы, Майбахи, Бентли – все жмутся к обочине, все замирают, как жучки-притворяшки, будто бы и нет нас. Стоим на обочине тихо, окон не открываем, из машин не выходим, в клаксон не бибикаем, потому что через сорок минут промчится мимо нас кортеж Первого Лица, ради которого совершенно останавливается шоссе и совершенно вытесняются с шоссе на обочину все автомобили. И какой бы ты ни был Гарри Минх, сколько бы у тебя ни было запасных жизней, кортеж Первого Лица лишит тебя всех запасных жизней разом, как в компьютерной игре «Варкрафт» эльф восемьдесят пятого уровня одним лишь заклинанием «взрыв мозга» уничтожает любого воина, добрашегося только до двадцатого уровня или до тридцатого. Вот и стоим, тихо стоим в своих автомобилях представительского класса. Дураков нет проверять, что будет, если выехать, например, поперек дороги или загудеть в клаксон. Стоим. И минут сорок еще нам так стоять.

Иностранные, впервые попадающие на Рублевку, недоумевают: отчего это ради проезда президента или премьера надо перекрывать и останавливать целое шоссе на сорок минут. Почему не на пять? Но мы, зараженные ролевой игрой «Рублевка», как подростки бывают заражены играми «Варкрафт», «Моровинд» или «Обливион» – мы понимаем. «Зачем сорок то минут?» – недоумевает Дерк Саудер.

И это значит, что за двадцать лет жизни на Рублевке уважаемый издатель газеты «На Рублевке» не понял даже и элементарных особенностей ее быта. Путин ведь едет от Усова. От Усова до Москвы семнадцать километров. Туда и обратно офицер Путинской охраны, отвечающий за пустоту шоссе, проезжает примерно за сорок минут. Офицер лично проверяет, хорошо ли остановлено шоссе, надежно ли согнаны на обочину наши автомобили, не выходим ли мы из машин, не гудим ли в клаксоны. И если Дерк Саудер спросит, почему бы расставленным на каждом километре дорожным полицейским по рации не отчитаться начальнику стражи, что шоссе стоит, то вот и опять выходит, что уважаемый издатель ничего не понимает. Ведь если собирать доклады по рации, то и ответственность офицера охраны делится с дорожными полицейскими, и власть. А если офицер осматривает шоссе лично, то ответственность вся на нем, и власть вся – ему. Он незаменим и следовательно неуязвим, пока Первое Лицо доверяет ему обеспечивать пустоту дороги, пока велит ездить тут от Усова до Москвы и обратно, а всё шоссе стоит. Делегировать свою незаменимость, неуязвимость, ответственность и власть подчиненным – это даже не против правил, а против самого духа Игры, в которую вольно или невольно, сознательно или бессознательно играют на Рублевке все, кроме грудных детей.

2. А как попадают в Игру? Как меняют социальный статус? Как превращаются из людей типа «Елена Ярош» в людей типа «Гарри Минх»? Вера Кричевская говорит:

«Я не меняла социального статуса. Ничего не изменилось от того, что я живу на Рублевке. Я как работала, так и работаю. Я с кем дружила, с теми и дружу».

Но дело не в социальном статусе. Дело в том, в Игре ты или вне Игры. И вот как Вера Кричевская попала в Игру.

Ей было двадцать пять. Она уже семь лет как работала журналистом. Она обратила на себя внимание, еще будучи школьницей, когда выходила в Ленинграде митинговать с требованием, чтобы газета Смена, с которой Вера сотрудничала, перестала подчиняться Ленинградскому Горкому Комсомола.

Она прославилась в августе 1991-го, когда пересказывала по Ленинградскому радио репортажи, которые надиктовывал ей приятель из мятежного Ельцинского Белого Дома. В двадцать пять лет она работала режиссером и продюсером на телеканале НТВ и делала блестящую телевизионную карьеру: хорошо зарабатывала, придумывала проекты, про которые принято говорить «ух ты, круто!», пользовалась уважением коллег и начальников. Но не была в Игре. Все еще была из тех, кто берет интервью, а не из тех, у кого их берут.

И вдруг что-то случилось. Ей позвонил владелец НТВ Владимир Гусинский и позвал на совещание к себе в офис. Ее?

Непосредственные Веринны начальники понятия не имели, что бы это могло значить. Через все их головы?

Двадцатипятилетнюю девочку-режиссера? В кабинет к Гусинскому?

Да Вера еще и опаздывала. Выжимала как могла педаль газа в плохоньком своем жигуленке, но машина, казалось, вообще не ехала. Машина, которой накануне еще Вера гордилась, потому что купила ее на свои деньги, вдруг, когда понадобилось ехать в офис к владельцу телекомпании, оказалась никуда не годной. Вера опаздывала на час и, входя в приемную, думала, что теперь ее точно убьют, съедят или, как минимум, уволят. Но к счастью Гусинский опаздывал еще больше.

В приемной Гусинского ждали люди, к которым Вера относилась, ну, если не как к богам, то близко. Подойти к каждому из них с частным вопросом стоило Vere усилий.

«Олег Борисович, – это к тогдашнему вице-президенту компании НТВ Добродееву. – Вы не знаете случайно, почему меня позвали на совещание?»

«Понятия не имею, – Добродеев пожимал плечами. – Но вы не беспокойтесь, Вера. Мы если что как-то поддержим вас».

«Евгений Алексеевич, – это к другому вице-президенту и ведущему программы «Итоги» Киселеву. – Вы не знаете, за что меня?»

«Вер, ну не надо так сразу отчаиваться!»

И так хотелось отчаиваться, что чуть не в обморок падала.

«Игорь Евгеньевич, – это уж совсем от отчаяния к президенту и генеральному директору Малашенко. – Что я такого сделала?»

А Гусинского все не было. Час не было. Полтора часа. На исходе второго часа после назначенного им же самим времени Гусинский явился. Шумный, быстрый, грузный. Пожимал руки всем, а потом сразу приступил к делу. Сказал, что телекомпания НТВ должна открыть огромный корпункт и представительство в Петербурге. Что бюджет Петербургского отделения и число работающих там будет сопоставимо с бюджетом и штатом московским, что сроки кратчайшие, что ответственность огромная и... И что возглавит весь этот проект Вера Кричевская, которая вот она тут сидит, прошу любить и жаловать.

От неожиданности они даже задохнулись как-то все эти президенты и вице-президенты. Не сразу смогли переварить, что двадцатипятилетняя девочка-режиссер вдруг стала равна им. Потом принялись подбадривать, обещать содействие, говорить, что, дескать, верят в нее. А сами не могли понять, почему. Почему вдруг она? Должна же быть какая-то причина. Какое-то же благословение должно было снизойти на рыжую ее голову. Ну, не любовница же она Гусинского? Любовниц берут секретаршами, пристраивают к синекурам, а в Игру любовниц не берут, и даже жен не берут, кроме редчайших исключений.

Сама Вера ни малейшего представления не имела о том, какое, где и когда сизошло на нее благословение. Она понимала только, что если упустишь этот шанс, то второго не будет.

Вернулась в родной Петербург, наняла людей, выстроила инфраструктуру, учредила драконовские порядки пополам с дворянскими привилегиями для своих журналистов – и через несколько месяцев повезла всех этих президентов и вице-президентов во главе с Гусинским на самолете Гусинского в Петербург торжественно открывать корпункт и представительство. А во время торжественного открытия, когда стало уже понятно, что ее работой довольны и что шанса своего Вера не упустила – подошла к дизайнеру Семену Левину, допущенному к Гусинскому в конфиденты и спросила:

«Семен Менделевич – чужие звали Левина Семеном Михайловичем, Вера звала Семеном Менделевичем, подчеркивая, что своя, – вы не знаете все-таки, почему Гусинский выбрал меня организовывать питерский корпункт?»

Левин обещал выяснить и через несколько часов выяснил.

Оказывается Гусинский заметил Веру во время «Новогоднего огонька», праздничного ночного шоу, которое записывало НТВ девятью месяцами прежде. Эстрада, артисты, столики, шампанское, свечи... Вера была режиссером и продюсером этого шоу, а Гусинский пришел с женой, никого не предупредив, что придет, и столика ему не хватило. Кто-то из ассистентов передал Вере, что где-то здесь в зале – Гусинский с женой, но что места для него нет. А Вера по неопытности не знала, как Гусинский выглядит, но знала, что он владелец компании. И тогда Вера заорала ассистенту:

«Вот здесь, на этом месте, стол чтобы был через тридцать секунд!»

«Так нет же стола нигде...» – мялся ассистент.

«Так найди, блядь! – орала интеллигентная девушка из приличной петербургской семьи. – Двадцать секунд! Чтоб стол, скатерть, свечи, посуда и приборы! Бого-о-ом!»

А Гусинский стоял рядом неузнанный, любовался Верой и думал, что если по ее крику действительно сейчас явится стол, то надо брать девочку в Игру.

Стол явился. И так Вера оказалась в Игре.

Реликвии, подобающие игроку, и атрибуты, такие как дом на Рублевке, были теперь уже делом времени и, разумеется, доставались Vere на особых условиях или за полцены. Дом в поселке Чигасово Vere купила тогда, когда у Гусинского стало туго с деньгами, и он распродавал поселок своей мечты, в котором жил сам, в котором селил своих замов и вице-, в котором обиживал прикормленных им политиков, юристов, общественных деятелей. Надеясь еще на что-то, дома Гусинский распродавал своим, знакомым, приближенным, близким – то есть с огромными скидками. Вот Vere и купила.